

ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕИ СОФИЙНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. СКОТТА МОМАДЕЯ

Древний образ Софии восходит своими корнями к учению гностиков, которое зародилось еще в первые века христианства. Обращение к этому образу в творчестве В. Соловьева в начале XX века означало новый этап в развитии этого вероучения. Философ связывал его с новыми формами теофании, сакральной способностью видеть высшее, божественное начало в реальных, земных проявлениях. Образ Софии имеет надконфессиональный смысл, в нем сближаются православная традиция с ее почитанием Богоматери и священности всего творения с католическим культом Девы Марии и протестантской традицией, опирающейся на немецкую мистику с ее антропонимическим пониманием софийности. Эта надконфессиональность прямо обозначена в раннем творчестве Соловьева, так в трактате «София» он увлеченно исследует возможность «свободного синтеза всех религий» именуемая «вселенской религией».

В русской поэзии этого периода прослеживается яркая попытка выразить драму отношений человека с миропорядком, зафиксировать взлеты и падения человеческой души, ибо, по утверждению Сергея Булгакова, «мир есть София в своей основе и не есть София в своем состоянии» [1, с. 195].

Дело не только в убеждениях поэтов того периода, но в особом духовном и творческом даре, особой интуиции, которая давала возможность вести диалог между человеком и Богом. Литературная традиция продемонстрировала возможность выхода за пределы известных религиозных форм. Андрей Белый писал об этом «Искусство углубляя творческое начало личности, просачивается за пределы выветренных религиозных форм; оттого кажется оно безрелигиозным, богоборческим... Но оно творит иную, живую, еще ненайденную форму» [2, с. 413-414].

XX век наглухо ¹⁸⁰закрыв двери для исследования подобных явлений, и лишь в течение последних двадцати лет гуманитарная наука вновь стала обращаться к этой теме. Современные исследователи заговорили о христианской онтологии Софии как раскрытии образа Божьего в человеке и божественного замысла творения, квинтальной онтологии целого (философии жизни с ее двуединством полярностей), антропокосмизме и т.д. Надежда Крохина говорит о том, что «софийные смыслы и интуиции с их сочетанием трансцендентно-имманентного ставят проблему свободного синтеза, новой целостности полярных начал» [3, с. 8—9]. Александр Генис подчеркивает, что «новая парадигма поставит вопрос о научной легитимизации мистического мироощущения, свойственного Серебряному веку» [4, с. 167]. Л. В. Шапошникова указывает на то, что в XX веке «Культура и цивилизация достигли кульминационной точки в своей дифференциации, в своей разъединенности. И дух и материя, преодолевая страшные кризисные ситуации, выходят в эволюционный канал неизбежного синтеза» [5, с. 92]. «...Исследование земного исторического процесса без учета его метаисторической, духовной части не только нарушает космический закон о том, что в каждом земном явлении есть две стороны - внутренняя и внешняя, духовная и материальная, надземная и земная, но и делает такое усеченное исследование иллюзией, а не наукой» [6, с. 163]. Особо выделяется проблема

вестничества: «...вестническое творчество мы можем обнаружить почти в каждой исторической эпохе нашей планеты. Однако темное вестничество возросло и усилилось в наше время, когда идет борьба за новое, космическое мышление, за нового, духовного человека. Свету противостоит тьма, красоте - безобразие, науке - невежество, братству - война. Осознание необходимости расширения метаисторического процесса может дать лучшие результаты. В этой борьбе истинное искусство и его творчество стоят на первом месте» [6, с. 28].

Литературоведение стремится осмыслить такого рода явления, сливаясь, таким образом, с философией. Возникают новые понятия и методы исследования, в частности онтопоэтика, как путь от поверхности текста к глубинам стоящей за ней жизни, путь от знаков к веществу, пространственно-вещественной явленности мира, постижение тайны, загадки их бытия, путь от универсальных архетипов к индивидуальной мифологии художника. Художественное сознание становится местом разрешения глубинных онтологических противоречий. Поэтика текста перерастает в его метафизику, обращаясь к культурфилософским и сакральным смыслам текста, создавая типологию мироотношения и смыслообразования. Земное бытие имеет высшие основы. Обнаружение этих основ составляет задачу и цель истинного искусства. «Творчество, не потерявшее свою метафизическую основу, веры в реальность сверхчувственного мира, своей цельности и чувства священного, может быть названо софийным» [6, с. 25]. Важнейшей составляющей такого творчества составляет концепт Вечной женственности, который по утверждению Д. С. Мережковского является «жизнеспособным корнем нового религиозного сознания», С. Булгаков подчеркивал, что София - это «божественные энергии струящиеся в мир» [1, с. 185], именно они в многообразии их проявлений совместно с персонификациями Вечной женственности являются отображением Души мира на земле. Для Вл. Соловьева «вечная красота природы и бесконечная сила любви составляют главное содержание чистой лирики» [7, с. 412].

В современном литературоведении можно часто встретить утверждение о том, что «западная культура Нового времени приходит к трагическому сознанию пропасти между идеалом и реальностью, что порождает агрессивную идею несовершенства мира и идеал благополучного устройства в этом мире» [3, с. 7]. Такое утверждение не совсем корректно, поскольку подразумевает полное отсутствие софийного творчества у представителей западной литературы. Н. Крохина говоря о софийной окрыленности русской литературы, характеризует ее как такую, в основе которой лежит «возвышенная мечта о нерасторжимой связи между человеком и космосом, о красоте, наполняющей космос, о божественном достоинстве человеческой личности, о долге сохранять в себе незапятнанной эту божественную сущность и содействовать ее проявлению во всем человечестве» [3, с. 41].

«Путешествие продолжается наново каждый раз, когда размышляешь о чуде, это особенность - право и ответственность воображения. Это нелегкое путешествие, исполненное особого значения движения, а когда оно происходит в памяти, тогда задействует как легендарные, так и исторические пласты, те, что принадлежат тебе лично наравне с памятью культуры, частью которой ты являешься. Путешествие воскрешает в памяти три вещи: несравненный пейзаж земли, время, ушедшее навсегда, и человеческий дух, все вынесший» [7, с. 4]. Эта цитата взята из пролога к книге известного современного американского писателя индейского происхождения Н. Скотта Момадея «Путь к Горе Дождей». С публикации его романа «Дом из рассвета сотворенный» в 1968 году начался

особый период в американской литературе, именуемый «индейским ренессансом». Даже небольшой цитаты достаточно, чтобы ощутить, что софийные мотивы присутствуют в многогранном творчестве этого писателя. Здесь прослеживается цельное софийное мироощущение: восприятие мира в аспекте софийности, суть которого - суть которого, благоговение вопреки всему, примирение полярных мировых начал. Книга «Путь к Горе Дождей» ведет повествование в трех временных отрезках: современном, протагонист отправляется на могилу недавно умершей бабушки; обращается к историческим событиям столетней давности, детству бабушки, когда гордый народ кайова, вынужден был подчиниться белой экспансии; и мифологическому времени, в котором этот народ черпал силы в самые черные годы, и которое является основой для духовного возрождения народного духа сегодня. Еще в трудах неоплатоников иррируется мысль о том, что софийность есть абсолютное тождество и реального, так как идеальное в сфере софийного не есть отвлеченным оно превращается в особую форму, именуемую мифом. Реальное есть не просто процесс реального становления вещей.

Показательно, что присутствует здесь и воплощение Вечной женственности в его физическом образе бабушки, хранительницы и выразительницы древних путей кайова, и духовном, божество Тай-ми, явившееся к народу в годы отчаяния и предложившее «возьмите меня с собой и дам вам все необходимое» [8, с. 3]. Божество не принесло кайова вожаденного богатства, не вернуло на кочевые пути их предков, но помогло сохранить неразрывную нить с духовной традицией предков, а это, очевидно, и было тем самым необходимым. Перед нами образец того творчества, которое Л. В. Шапошникова именуется метаисторическим.

В романе «Древний ребенок» писатель повествует о художнике, усыновленном в детстве белыми родителями, и таким образом оторванным от традиций своего народа. Возвращение к себе истинному происходит после инициации, благодаря которой обретаются духовные способности погружаться в мифическое время. И в этом случае высшие знания передаются через женщину, бабушка Копемах, хранительница древних знаний кайова перед смертью передает их правнучке Грей, завещая помочь открыть древнюю силу первопредков-медведей Локу Сетману, который является воплощением мифологического мальчика-медведя. Свой роман Момадей начинает эпиграфом из Борхеса «Миф лежит в начале всякой литературы, а так же в ее конце». Если учесть, что сам писатель является сыном художника и сам тоже пишет картины, то история прозрения и поиска своей сути в жизни и искусстве, описанная в романе, может считаться автобиографичной. Софийная интуиция сливает два расходящиеся в разные стороны полюса в единое целое, согласно Момадею, художник - это создатель своей уникальной вселенной, своего авторского мира, новый мифотворец, ищущий примирения человеческого природного и духовного. Его Сет, посредством своего творчества и духовных исканий, приходит к пониманию того, что у каждого события и предмета окружающей повседневности есть своя софия в духовном мире, которая может быть проявлена светом любви, а может остаться непроявленной, сокрытой. В софийном опыте художника, преодолевающим хаос, рождается новая сакрализация мира и человека. К концу романа Сет перерождается, становясь из просто тонко чувствующего художника выразителем древнего сакрального духа своего народа, а вместе с ним перерождается и природа, открывает свои врата вселенная, останавливается время, перемещая героя в вечный круг жизни. Согласно Л. В. Шапошниковой, исторический процесс есть одна из важнейших составляющих космической эволюции. Он формируется путем

взаимодействия духа и материи и определяется энергетикой этого взаимодействия. «Само мироздание, согласно Живой Этике, есть грандиозная одухотворенная энергетическая система, которая развивается в процессе сложного энергетического обмена между различными структурами, входящими в эту систему. Человек - одна из таких структур. Энергообмен, в который вступает человек, носит горизонтальный, вертикальный и глубинный характер. Горизонтальный предлагает энергообмен между людьми и человеческими сообществами, вертикальный дает возможность энергообмена между человеком и космическими телами - планетами Солнечной системы, самим Солнцем, созвездиями Зодиака, таинственным созвездием Орион. Глубинный выводит человека на энергетическое взаимодействие с мирами более высоких измерений и иных, более тонких состояний материи» [9, с. 136-137]. Именно процессы взаимообмена в метафорической форме описаны писателем в романе «Древний ребенок». Соловьев связывал индивидуальное перерождение человека с перерождением вселенной, с преобразованием ее форм пространства и времени, космическим делом «одухотворения материи», установлением «всечеловеческого единства», установлением истинного любовного отношения человека не только к его социальной, но и к его природной и всемирной среде. Это, по мнению философа, и есть реальное воплощение Софии неотделимое от универсальной, «вселенской религии» [10, с. 75].

Литература

1. Булгаков. Н. Свет невечерний: Созерцание и умозрения / С. Н. Булгаков. - М. : Республика, 1994. - 415 с. - (Мыслители УХ века).
2. Белый А. Настоящее и будущее русской литературы I Андрей Белый II Символизм как миропонимание. - М.: Республика. - С. 344-359.
3. Крохина Н. П. Софийность и ее коннотации (онтологизм-космизм-эсхатология) в русской мысли и литературе XIX и рубежа XIX-XX веков / Надежда Крохина. - Иваново : Ивановская областная типография, 2009. - 397с.
4. Генис А. А. Метаболизм поэзии: Мандельштам и органическая эстетика I Александр Генис II Генис А. А. Иван Петрович умер : статьи и исследования. - М. : Новое литературное обозрение, 1999. - 336 с.
5. Шапошникова Л. В. «Синтез действительного блага...» / Людмила Васильевна Шапошникова II Живая Этика и наука. - Вып. 1. - М.: Мастер-Банк, 2008 - 403 с.
6. Шапошникова Л. В. Метаисторическая живопись Н. К. Рериха / Людмила Васильевна Шапошникова. - М.: МЦР, 2013.-447 с.
7. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика I Владимир Соловьев. - М.: Искусство, 1991. - 698 с.
8. Scott Momaday N. The Way to Rainy Mountain. - University of New Mexico Press, 1969. - 90 P-
9. Шапошникова Л. В. Исторический процесс как космическое явление/ Людмила Васильевна Шапошникова II Шапошникова Л. В. Философия космической реальности. - Тверь: ООО «Изд-во Гере», 2008. - С. 132-155.
10. Соловьев В. С. София. Полное собрание сочинений : в 20 т. I Владимир Соловьев. - М.: Наука, 2000.-Т. 2.-397 с.